

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АРЕАЛЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КАРЕЛИИ¹

В статье на основе археологических материалов, письменных источников, данных топонимики, этнографии, антропологии определяются этнокультурные зоны средневековой Карелии. Характеризуется процесс формирования трех крупных ареалов: Северо-Западного Приладожья – территории летописной карелы; Юго-Восточного Приладожья и южной Карелии – земель древних вепсов – и бассейна Онежского озера, заселенного разнообразными по происхождению охотниками, рыбаками и промысловиками.

Ключевые слова: этногенез, археология Карелии, история Средних веков, карелы, вепсы, русские в Карелии.

Древнейшая история народов Карелии, начиная с первоначального заселения ее территории и до второй половины I тыс. н. э. включительно, реконструируется в основном по археологическим источникам. Эпоха Средневековья рассматривается на более широкой информационной базе, включающей не только археологические материалы, но и богатые по содержанию как отечественные, так и западноевропейские письменные источники, данные лингвистики и топонимики, этнографии, антропологии. Это позволяет исследователям приблизиться к пониманию исторических процессов во всей их сложности, многообразии и мозаичности деталей. Естественнаучные методы дают возможность извлекать из археологических материалов такие сведения, которые традиционным археологическим анализом, в силу их специфики, получить невозможно. Историю Карелии нельзя рассматривать изолированно от общерусских событий, так как внешнеполитические и экономические связи, этнокультурные контакты с ближними и дальними соседями оказывали существенное влияние на развитие политического статуса, духовной и материальной культуры народов Карелии. Территория, на которой происходило формирование народов Карелии, выходила за пределы современных административных границ и включала Северо-Западное (Карельский перешеек), Юго-Западное Приладожье (в основном бассейн реки Ояты).

¹ Исследование велось по госзаданию КарНЦ РАН.

Антропологическое освоение Карелии произошло примерно (даты уточняются) около 8000 лет тому назад. Археологическое наследие представлено памятниками эпохи мезолита, неолита, энеолита, бронзового и железного веков. Наличие различных природно-климатических зон сказалось на выборе мест обитания древним человеком, находившимся в сложной зависимости от экосистемы. Выявлены разнообразные модели адаптации населения к природным условиям Карелии, а также традиционные особенности материальной культуры населения на протяжении всего дописьменного периода истории [Адаптация культуры 2009].

Хронологические рамки Средневековья определялись по-разному. Российские и зарубежные исследователи полагают, что началом Средневековья следует считать крушение Западной Римской империи, т. е. конец V в. (ранее началом этого периода считали эпоху Великого переселения народов – IV в.). Относительно завершения эпохи у историков нет единого мнения. В последнее время отечественные медиэвисты датируют окончание Средневековья концом XV – началом XVI в. Однако надо помнить, что периодизация вообще носит условный характер, так как зависит от конкретного содержания археологического наследия определенной территории. Известные к настоящему времени археологические древности раннего Средневековья народов Карелии и их соседей датируются VI–IX вв., эпохи развитого Средневековья – X–XV вв. Раннее Средневековье – это время возникновения Древнерусского государства и формирования этносов на Северо-Западе России. Именно в этот период древнерусские письменные источники называют их по именам: корела, весь, ижора, водь и др. Длительный процесс становления народов происходил в период формирования, укрепления и расцвета Древнерусского государства, конкретнее, Новгородской феодальной республики.

Летописная корела

Эпоха Средневековья Северо-Западного Приладожья ярко освещается не только археологическими памятниками, включающими могильники, поселения, городища, клады, но и письменными источниками, раскрывающими важные события в жизни народа, оставившего эти памятники. Исследование топонимии позволило сделать важные выводы относительно территории расселения древнекарельского народа, путей его передвижения, особенностей хозяйственной деятельности, этнокультурных контактов на протяжении нескольких сотен лет.

Благоприятные природно-климатические условия Северо-Западного Приладожья предопределили пути заселения края, формы адаптации

человека к естественно-географической среде, оптимальные способы природопользования, виды хозяйствования и т. д. В Приладожье много покрытых мелкозернистыми породами территорий, пригодных для земледелия, и, в первую очередь, на берегах Ладожского озера, в долинах рек. Суглинистые почвы характерны для районов Хийтола и Куркиёки, северной части Сортавальской округи и берегов Янисйоки. Доминантой ландшафта, особенно на фоне озерных шхер, являются горы, к примеру, Лопотти в Куркиёки, Мякисало, Паасонвуори, на которых в начале II тыс. н. э. размещались древнекарельские городища. У подножия гор располагаются удобные для земледелия участки. Благоприятные природно-климатические условия способствовали тому, что во все времена развитая поселенческая структура и активная хозяйственная деятельность населения сосредоточивались в прибрежной полосе Ладожского озера [Культурное окружение 1998: 26–48].

Городища находятся на берегу Ладожского озера вблизи пос. Куркиёки – Хямеенлахти, Ранталиннамяки, на островах р. Вуоксы и Ладожского озера – Тиверск, Корела, Терву-Линнасаари; городища Соскуа, Паасо и Лопотти – на берегах рек, в 1–2 км от их устья (рис. 1). Непосредственно на побережье Ладожского озера поселений не найдено. На некоторых памятниках обнаружены остатки более древних поселений и погребений [Кочкуркина 2010]. Судя по количеству выявленных фундаментов жилищ, население было немногочисленным (за исключением Тиверского городка и крепости Корела), возможно, в пределах 20–30 человек.

Напряженная внешнеполитическая обстановка отразилась на топографии поселений, на конструктивных особенностях застройки с использованием защитных свойств микрорельефа. При угрозе нападения население использовало для временной защиты труднодоступные возвышенности с обрывистыми склонами, так называемые городища-убежища, временно укрепленные некоторыми дополнительными каменными сооружениями. На постоянных поселениях, помимо внешних оборонительных конструкций в виде каменных стен, валов, применялись внутренние – из домов и построек, создававших еще одну дополнительную защитную линию.

Первым построили городище **Паасо** на высокой (79,2 м над уровнем моря) с крутыми скальными обрывами скальной возвышенности Паасонвуори. Занимая стратегическую высоту, примерно в 1 км от места слияния рек Тохмайоки и Хелюляййоки (первая берет начало в северо-восточных районах Финляндии и впадает в Ладожское озеро, примерно в 2 км от городища), жители могли контролировать окружающее пространство. Природные условия определили топографию и своеобразие строительных комплексов.

*Рис. 1. Городища Северо-Западного Приладожья:
I – городища; II – городища-убежища*

- 1 – Тиверск; 2 – Хямеенлахти-Линनावуори; 3 – Ранталиинямäки; 4 – Лопотти-Линнамäки;
5 – Соскуа-Линнамäки; 6 – Терву-Линнасаари; 7 – Паасо; 8 – Рауталаhti-Линनावуори;
9 – Токкарлахти-Линнасаари

В результате многолетних археологических исследований городища Паасо можно сделать некоторые заключения относительно времени освоения возвышенности, особенностей планировки, занятий населения и некоторые наблюдения частного характера. В X – начале XII в. площадка Паасонвуори использовалась под временное поселение, о чем свидетельствуют редкие предметы этого времени. В XII–XIII вв. возвышенность была

приспособлена под городище оборонительного характера. Безусловно, немалую роль в выборе сыграли защитные свойства рельефа. К тому же, соорудив валы и каменные стены, население укрепило наиболее доступную для восхождения часть.

Из семи исследованных фундаментов шесть ориентированы в направлении север – юг, один – по линии северо-восток – юго-запад. Расположение жилищ, без сомнения, определялось микротопографией возвышенности. На такой небольшой и узкой, наиболее приспособленной для жилья площадке примененный метод застройки близок к оптимальному. Сооружения предназначались не только для проживания, но и должны были исполнять оборонительные функции. Вот почему они расставлены в шахматном порядке, довольно скученно, составляя единую линию защиты.

Скученная застройка имела и отрицательные последствия. Видимо, еще в самом начале строительства на горе случился пожар. Однако жители Паасо не отказались от намерения вновь отстроить поселок. Отопительные сооружения – печи, очаги – располагались, как правило, в центральной части жилищ, ближе к северным или южным стенам. Кроме того, на городище были два открытых очага довольно примитивной конструкции, а также зафиксированы остатки печи.

Основной материал городища позволяет датировать его XII–XIII вв., возможно, и XIV в. Типичные для древнекарельской культуры предметы, такие как овально-выпуклые фибулы, ажурные цепедержатели, металлические бусы, спирали, орнаментированные рукояти ножей и т. д., конструктивные особенности застройки, топографическая характеристика самого памятника позволяют отнести городище к древностям летописной корелы. Удивительно мало, учитывая оборонительное назначение памятника, предметов вооружения. Напротив, инвентарь говорит о занятии населения земледелием, охотой и рыболовством, а также производством железа, хотя и в небольшом масштабе. Не исключено, что военных столкновений на городище не было. Происходили они где-то в стороне и, видимо, не в пользу местных жителей. Большое число ювелирных изделий из цветного металла, хорошо сохранившийся инвентарь, наконец, отчетливо выраженные следы пожарища свидетельствуют, по всей вероятности, о гибели защитников Паасо.

На северном побережье Ладожского озера исследовано городище **Хямеенлахти-Линнавуори**. Оно располагается в 3 км южнее пос. Куркиёки на южном берегу залива Хямеенлахти на границе с заливом Лайккаланлахти (на современных картах залив Куркийокский)

Ладожского озера на возвышенности высотой 50 м над уровнем моря. Топографическая особенность Линнавуори заключается в том, что она не является доминантой на местности, а представляет собой северную оконечность длинного покрытого лесом скалистого отрога, тянувшегося по полуострову (местность Риеккала) от залива Хямеенлахти до залива Риеккаланлахти.

Городище ооконтурено, кроме южной стороны, скальными обрывами и ориентировано в направлении север – юг. Южная, лишенная естественной защиты, укреплена каменным валом с проемом от ворот (ширина его 3,5 м). Западный отрезок вала длиной 15 м, шириной 2–2,5 м, восточный, соответственно, 17,5 и 1,5–3 м сложены из камней, засыпаны землей и густо поросли деревьями. Незащищенную скальными обрывами западную часть также укрепили валом длиной 11 м, шириной 1,5–2,5 м. По краю обрывистой, восточной, части городища, возможно, были сооружены, в целях безопасности, какие-то деревянные укрепления. Выявлены остатки каменной стены, идущей в направлении северо-запад – юго-восток и прикрывавшей городище с северной стороны (длина 6,2 м, ширина 2,8 м), фрагменты очага $2,2 \times 2$ м. В скальном углублении вскрыта печь, примыкавшая тыльной стороной к возвышенной части ($3,6 \times 2$ м), и остатки каменного фундамента ($6 \times 3,6$ м). Каменные фундаменты жилищ и отопительные сооружения обмазывались глиной, что подтверждается большим количеством найденных кусков обмазки.

Археологические вещи датируются XII–XIII вв.: предметы женского убранства из цветного металла (фибулы, подвески, копоушка, игольник, ножны, спиральки и стеклянные бусы), бытовой инвентарь (ножи, ключи, ледоходные шипы), боевое вооружение (наконечники стрел и копье), орудия рыболовства и т. д. Собраны шесть серебряных монет (одна не определена): восточная монета второй половины X в., из четырех немецких монет одна первой половины XI в. и три – второй половины XI в. Но эти монеты не могут удревнить памятник, поскольку они использовались, вероятно, не в качестве платежного средства, но для переплавки ценного сырья.

Предпринятые раскопки привели к выводу, что городище Хямеенлахти-Линнавуори, занимающее стратегическое положение на берегу Ладоги, по топографическим и конструктивным особенностям, а также вещевому инвентарю является типичным укрепленным поселением древних карелов. Связь между названием мыса Хепониemi и большим количеством найденных на городище лошадиных зубов, подков, вероятно, допустимо объяснить развитым коневодством в хозяйстве жителей городища. Население Северо-Западного Приладожья использовало

лошадей в качестве тягловой силы и средства передвижения, экспортировало и разводило их [Кочкуркина 1982: 154]. Может быть, конину употребляли в пищу.

Несколько позднее, в XIII–XIV вв., на острове построили городище **Терву-Линнасаари**. Остров (275 × 140 м) располагается в 2,6 км юго-восточнее пос. Терву, в удобной одноименной бухте в окружении островов, защищающих его от ветров и волн открытого Ладожского озера. В то же время с вершины острова в ясную погоду акватория озера просматривается на дальнее расстояние. В случае же вражеского нападения у жителей острова, вытянутого в направлении север – юг, была возможность укрыться на материке. Южная часть округлой формы, скалистая и обрывистая (43,5 м над уровнем моря), северная – низкая и пологая, но, тем не менее, защищена тройной линией укреплений из крупных блоков камней попеременно с мелкими. Городище занимает южную округлую часть острова (155 × 115 м).

При раскопках вскрыт фундамент жилища. Само строение, скорее всего, было деревянным и, видимо, в целях предохранения от пожаров обмазывалось глиной. Этим можно объяснить огромное количество найденных кусочков глиняной обмазки. Между скальными отрогами был сооружен каменный мостик (возможно, были и деревянные ворота), созданный, с одной стороны, для обороны открытого участка и для препятствия к восхождению на городище, а с другой – для свободного прохода жителей.

Собрано более 300 предметов из цветного металла, стекла, железа, камня, глины. Изделия из цветного металла представлены характерными древнекарельскими украшениями: овально-выпуклыми фибулами нескольких типов, Ф-образными пронизками, цепедержателями, копоушками. Предметы вооружения единичны.

Терву-Линнасаари является, с одной стороны, типичным средневековым древнекарельским поселением с традиционными оборонительными укреплениями и жилой постройкой, а с другой, расположение его на высоком скалистом острове придает городищу исключительное своеобразие. Выбор для поселения острова, занимающего стратегическое положение в акватории Ладожского озера, не случаен – населению приходилось, видимо, обороняться как от внешних врагов, так и от разбойничьих набегов соседей, оберегая свою жизнь и имущество.

Небольшое городище **Соскуа-Линнамяки** находится в 4,5 км юго-восточнее пос. Куркиёки, на левом берегу р. Соскуанйоки, примерно в 1,8 км от ее впадения в залив Токкаринлахти Ладожского озера.

Оно располагается на возвышенности (максимальная высота над уровнем моря 44 м), окруженной лугом, кустарниками, с восточной стороны – кромкой леса. С севера и северо-запада огибается рекой. Мошные крутые скальные обрывы отмечены по юго-западному краю возвышенности. На восточной стороне на высоте 35–36 м прослежен отрезок стены, сложенной из камней без применения связующего раствора.

На Линнамяки имелось всего два участка, пригодных для проживания. Обнаруженный в раскопах материал не противоречит находкам ранее исследованных древнекарельских городищ и позволяет датировать Соскуа-Линнамяки XII–XIV вв. До сих пор отчетливо просматривается вход на городище, четко обозначенный крупными валунами и камнями от развалившейся стены. Большое количество углей – вероятно, следы от сгоревших деревянных конструкций ворот. В сравнении с другими известными укрепленными поселениями, Соскуа носит «провинциальный», сельский характер. Возвышенность, видимо, была рассчитана на защиту малочисленного местного населения и не носила стратегического характера. Обратим внимание, что на вскрытой площади городища нет замков и ключей, что довольно странно, если бы поселение было круглогодично обитаемо.

В Северо-Западном Приладожье известны городища-убежища: **Рауталахти-Линнавуори, Токкарлахти-Линнасаари, Рангалиннамяки**² и некоторые другие, без культурного слоя, но с ярко выраженными оборонительными каменными укреплениями, использовавшиеся, видимо, только в случае реальной опасности.

В районе пос. Куркиёки в XV–XVI вв. функционировало еще одно укрепленное поселение, поскольку военная обстановка оставалась по-прежнему сложной. На невысокой (42 м над уровнем моря) возвышенности **Лопотти** (окраина пос. Куркиёки) было построено городище. С севера оно омывалось р. Рахоланйоки, впадающей в залив Ладожского озера. Площадь поселения около 500 м². Помимо внешней линии оборонительных укреплений, сложенных из камней «насухо», защищающих возвышенность с трех сторон, существовала внутренняя – из жилых построек. Деревянные дома на каменных фундаментах (раскопано четыре) площадью от 13 до 25 м² имели печи-каменки в северо-восточном углу. Под юго-восточным углом фундамента при раскопках обнаружено сланцевое тесло, датирующееся поздним мезолитом или ранним неолитом. Видимо, положено оно под угол фундамента с какими-то ритуальными целями.

² Последнее относится к переходному типу между городищами и городищами-убежищами, так как найдены и предметы вооружения, и бытовой инвентарь [Витов 1964].

Наступление противника можно было ожидать с севера, со стороны реки, поэтому строители постарались максимально укрепить северный мыс. Поперек возвышенности они поставили заслон из жилищ, которые одной стороной примыкали к общей каменной стене. Среди немногих находок – единичные украшения, стамески, гвозди, железные накладки, ключи, точильные бруски – нет таких, по которым можно установить точный период существования, поэтому городище Лопотти датируется приблизительно XV–XVI вв., может быть, и более поздним временем.

Лопотти («lopotti»), по мнению топонимистов, – это несколько измененное русское слово «слобода». Погост Куркиёки впервые упомянут в русских письменных источниках под 1396 г. В переписной окладной книге Водской пятины 1500 г. [Переписная окладная книга 1872: 127] назван Кирьяжский Богородицкий погост с деревнями Ладиккола, Нивкола «на реце на Кирьеше», а также «деревня под городищем», разместившиеся в границах современного пос. Куркиёки.

На Карельском перешейке, в Корельской земле, в конце XIII – начале XIV в. при непосредственном участии новгородских властей начато строительство крепостей для защиты пограничных рубежей от шведских посягательств. Для этих целей в период между 1293 и 1323 гг. возвели **Тиверский городок** – военно-оборонительный и ремесленный центр на Карельском перешейке в 14 км от пос. Мельниково Приозерского района Ленинградской области. Окруженное валом и каменными стенами поселение располагалось у порогов Тиури на острове, омываемом двумя руками р. Вуоксы (15 м над уровнем моря).

Городище площадью около 1 га окружено каменными стенами и валом. Первое сообщение о Тиверском городке содержится в Никоновской летописи под 1404 г., второе – под 1411 г., когда шведы неожиданно напали на него. Однако эти даты не означают, что городок существовал только в указанный короткий промежуток времени. Археологические раскопки выявили жилые и хозяйственные комплексы, крепкие оборонительные сооружения и захоронения погибших защитников крепости (28). Вскрыто 14 фундаментов жилищ, сложенных из мелких, плотно уложенных камней, обмазанных глиной. Дома строились из дерева. Отопительные сооружения из камней и глины чаще всего располагались в северо-западном углу дома, ближе к выходу. Площадь жилищ колебалась от 18–20 до 54 м². Постройки составляли двухрядную цепочку соответственно конфигурации острова и, располагаясь в шахматном порядке, составляли оборонительную линию.

Южная часть городища была защищена мощным земляным валом на каменном основании. Обороне этого участка придавалось большое

значение, так как враг мог появиться именно с южной стороны. Недаром в южной части поселения найдено почти все собранное при раскопках оружие. В основании вала в качестве берега строители поместили жертвенник. Протяженность уцелевших оборонительных укреплений около 300 м, ширина от 1 до 11 м, высота (с внутренней стороны) 0,3–0,7 м. В северной части, как более безопасной, была сосредоточена вся хозяйственная жизнь.

Собранный при раскопках инвентарь показывает, что жители Тиверска (не более 60–70 человек) не только несли сторожевую службу, но и занимались ремеслом, сельским хозяйством, животноводством, охотой, рыбной ловлей, участвовали во внешней и внутренней торговле.

Городок, возможно, назван Тиверским по имени одного из пяти корельских родов – Тиврульцев. Большинство исследователей-лингвистов полагают, что слово «тиури» саамского происхождения. Существует и другое мнение, согласно которому наименование с тиури (в том числе и Тиуринлина) происходит от имени варяжского предводителя Diuri [Nissilä 1975: 218].

Административным и торгово-культурно-экономическим центром Приладожской Карелии в XIV – начале XVII в. была **Корела** – «Корельский город» (ныне г. Приозерск Ленинградской области). Оборонительные сооружения расположены на двух островах р. Вуоксы в 2–4 км от ее впадения в Ладожское озеро: небольшом, площадью около 6000 м², называемом по литературной традиции «Старой крепостью» (детинец) (высота 8–10 м), и на соседнем Спасском острове (посад), заселенном в конце XV в.

Из летописей известно, что шведы основали город в 1294/95 г., по шведским же источникам, они лишь обновили построенные новгородцами укрепления. Анализ разноречивых письменных материалов привел к предположению, что, возможно, в устье реки находился предшествующий городу острожек, но по разным причинам до сих пор не найден. Перенос поселения на остров, как выяснилось в процессе археологических раскопок в 70-х гг. XX в. в детинце крепости (раскопки А. Н. Кирпичникова), состоялся либо в 1300, либо в 1310 г. Выявлены два строительных горизонта: верхний содержал остатки сгоревших деревянных домов, датирующихся по данным дендрохронологии 1360–1380 гг.; нижний, отнесенный к 1310–1360 гг., – следы основанного новгородцами военного городка. Предполагается, что строители увеличили высоту острова за счет возведения по его краю своеобразной платформы, на которой построили дома и, вероятно, деревянные защитные укрепления. По теоретическим расчетам на острове в крепости размещалось 100–110 однокамерных домов, в которых проживало 300–330 русских и карельских поселенцев, из которых треть несла сторожевую службу. О доминирующей

роли русского населения свидетельствуют планировка, жилые постройки срубного типа, обилие вещей русского городского ремесла. Следы корелы выявлены по типичным для их культуры археологическим предметам и упоминаниям в переписной книге 1500 г. (с. 5–6). При археологических исследованиях на рубеже 80–90-х гг. XX в. (раскопки А. И. Саксы и П. Уйно) на территории древней крепости обнаружены строительные остатки, существовавшие на острове до возведения крепостных сооружений, и предположительно следы разрушенных погребений VIII–XIII вв., которые позднее были уничтожены при строительных работах.

Во второй половине XIV в. после пожара посадник Яков укрепил остров новгородским костром – каменной боевой башней, входившей в кольцо деревянных укреплений. В плане она представляла трапецию со скругленной фронтальной стороной. Площадь нижнего яруса 28 м². Фундамент сложен из валунов без связующего раствора, стены – из тесаных гранитных камней, скрепленных известковым раствором, с валунной забутовкой. Полагают, что к башне с северной и южной сторон примыкали деревянные укрепления, создавшие вместе с ней сплошное оборонительное кольцо. Примерно через 100 лет увеличили толщину ее стен, в XVI в. за ненадобностью башню снесли. С XVI в. на обоих островах, в связи с усовершенствованием артиллерии, были выстроены крепости бастионного типа, использовавшиеся до начала XIX в. [Кирпичников 1984: 119–144; Uino 1997: 261–268; Saksa 1998: 107–125].

Коллекции, собранные в процессе раскопок городищ, насчитывают свыше 1000 предметов из цветного металла, железа, камня, кости и более 4000 фрагментов пористой, лепной, гончарной, белоглиняной керамики.

Корела сумела успешно реализовать находящиеся на ее территории железорудные запасы сырья. Выявлены остатки железоделательного и кузнечного производства, а также многочисленные куски шлаков с высоким содержанием железа. Профессионально использовались термическая обработка, паяние, обмеднение железных изделий. При изготовлении разнообразного кузнечного инвентаря применялись вытяжка, рубка, обрезка, пробивка отверстий, изгиб, скручивание. На некоторых предметах прослежена художественная кузнечнаяковка. Инкрустация цветным металлом в виде двух параллельных полос отмечена на боевых топорах. Мастера, владея передовой технологией, изготавливали разнообразные инструменты, употребляемые для обработки дерева и в ювелирном деле, в сапожном, шорном и ткацком ремеслах, в сельском хозяйстве и промыслах, оружейном деле.

Производство отличалось высокой степенью сложности и не уступало в этом древнерусским городам, прежде всего Новгороду, под влиянием которого оно развивалось. Использовались те же технологические схемы: трехслойный пакет, варка стальной полосы в рабочую часть клинка, наварка стального лезвия на железный клинок. Сравнение самой массовой категории кузнечного инвентаря – ножей – из древнекарельских поселений показывает тесную связь местной технологии с северорусской. В производстве ножей наиболее часто употреблялись технологические схемы, доминирующие на севере Руси, прежде всего в Новгороде, в IX–XII вв., и главным образом прогрессивная сварная техника. В древнекарельской земле она продолжала использоваться и в XIII–XIV вв. Долгое сохранение этой технологии можно объяснить не только устойчивостью традиций в среде кузнецов, но и тем, что до северной периферии Новгородской земли еще не дошли экономические стимулы, заставлявшие работать на широкий рынок и неизбежно приводившие к экономии металла и упрощению технологии [Хомутова 1982].

Меднолитейное дело в древнекарельских землях также развивалось в русле передовых традиций. Для изготовления предметов украшения использовались сложные сплавы. Известны изделия из довольно редкой оловянной латуни, датирующиеся, как правило, X–XI вв. и свидетельствующие о наличии на памятниках следов догородищенских слов. Отмечен высокий процент изделий из бронз (сплавы на основе меди + олово, свинец), но использовались только низкооловянные двойные бронзы, как и на всех памятниках Северо-Запада. Вещи из них датируются XII–XV вв. Пик изделий из «чистой» меди приходится на XII–XIV вв. На городищах обнаружены предметы из многокомпонентных сплавов. Наличие таких сплавов специалисты объясняют дефицитом металла с высоким содержанием цинка. Поэтому к нему добавлялись переплавленные вышедшие из употребления предметы и их обломки. Серебро как дорогой металл использовался весьма экономно. Вопрос о путях поступления металла остается пока неясным, но предполагают, что со второй половины X в. медь, латунь и серебро появились на Руси из западноевропейских рудников; медное сырье – из Волжской Булгарии. С XII в. основным поставщиком чистой меди на рынки Балтийского региона и Северо-Запада Руси становится Швеция [Ениосова 2010; Ениосова, Кочуркина 2010]. Комплексность хозяйства древних карелов можно проследить по топонимическим пластам, характеризующим различные отрасли, а также районы локализации некоторых его видов в зависимости от особенностей природной среды. Населению, обитавшему в центральной части Карельского перешейка, в равной степе-

ни были свойственны земледелие, скотоводство, охота, рыболовство. Для других областей на первое место выдвигалось скотоводство, например, в районе г. Сортавалы; рыболовство и охота, в основном, зафиксированы в более северных местностях Приладожья [Мамонтова, Кочкуркина 1982].

По топонимическим исследованиям, осуществленным финляндскими и отечественными учеными, наиболее древними на этой территории являются саамские топонимы. Именно саамы дали названия многим важным природным объектам. Что же касается славянского и скандинавского присутствия, то топонимия не дает однозначного ответа. Славяно-русское влияние на местное карельское сообщество, безусловно, представлено целым рядом заимствованных лексем, при этом в массе своей поздних. Некоторые из них – уже как факт карельского языка – закрепились в топонимии. Топонимы, в которых прослежены русские заимствования, отражают вхождение территории Карельского перешейка в сферу древнерусского административного устройства. Скандинавы появились в Северо-Западном Приладожье тогда, когда оно уже было заселено прибалтийско-финским населением, но они не создали здесь, в отличие от юго-западной Финляндии, устойчивой сети постоянных поселений, что является необходимым условием рождения системы топонимов (взгляды исследователей на проблему подробнее см.: [Кочкуркина 2016]).

Древние венсы

Онежско-Ладожский водораздел, или Олонецкий перешеек, отличается разнообразием рельефа. Олонецкая возвышенность представляет собой плато, полого спускающееся к Ладожскому озеру, но с крутыми уступами на западном берегу Онежского озера и в его северо-западной части. Восточная часть возвышенности образует Шокшинскую гряду (200 м над уровнем моря) [Карельская АССР 1986: 27]. Восточное Приладожье характеризуется равнинностью рельефа. Специфические природные условия, выразившиеся в рельефе, климате, водных ресурсах, почвенном покрове, растительности, животном мире, способствовали освоению этого края еще с глубокой древности.

На Онежско-Ладожском водоразделе отмечены средневековые погребальные памятники в виде курганов, являющиеся северным ответвлением Приладожской курганный культуры. На р. Олонке известны пять курганных групп с 15 насыпями, на р. Тулоксе – две с 11, на р. Видлице – четыре курганные группы с 29 насыпями. На северном побережье Онежского озера погребальные памятники выявлены в Кокорино (7) и у Чёлмузей (11 курганов).

Они располагались на высоте от 2,5 м до 12 м над уровнем воды. Кроме того, в непосредственной близости от последней группы изучено одновременное ей селище, что для ареала курганный культуры весьма редкое явление. Периодом X–XI вв. датируются 35 мужских и женских погребений, XI – началом XIII в. – 42 захоронения, что свидетельствует о немногочисленности переселенцев в Карелию из Юго-Восточного Приладожья. Курганы в более позднее время использовались для впускных захоронений (23) (рис. 2).

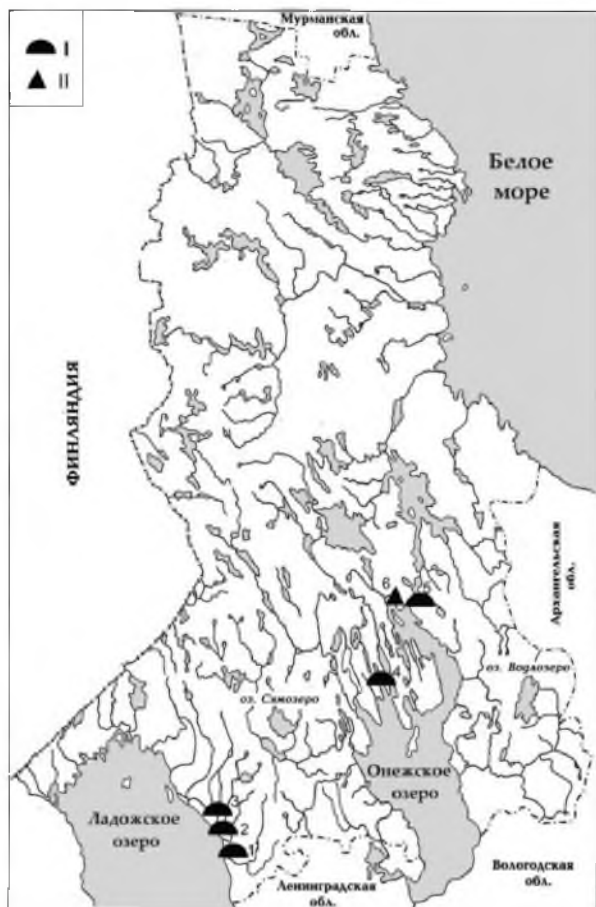

Рис. 2. Памятники древних финнов: I – курган; II – поселение
1 – р. Олонка (15 курганов); 2 – р. Тулюкса (11); 3 – р. Видлица (29);
4 – Кокорино (7); 5 – Чёлмужи (11 курганов); 6 – поселение Чёлмужи

Восстановлению конкретных исторических условий, в которых находилось население Приладожья (не только Карелии), способствовало археологическое изучение соседних территорий, главным образом Ладоги и ее округи. В IX – начале XI в. Ладога была мощной крепостью, процветающим торговым и ремесленным центром, с которым установились многолетние экономические, политические и культурные контакты населения Приладожья. Некоторые ювелирные изделия, посуда, оружие, передовая технология изготовления кузнечных изделий появились в Приладожье в результате торговых отношений с этим городом. Как показало металлографическое исследование, железные предметы не отличались от аналогичных древнерусских ни формой, ни технологическими приемами. Ножи, овальные кресала, наконечники копий, за редким исключением, изготовлены по схеме наварного лезвия; они не уступали по качеству изделиям, выполненным городскими ремесленниками северо-западной Руси. Все трехслойные ножи продемонстрировали совершенную технику многослойной сварки, которая была заимствована местными кузнецами, скорее всего, у мастеров Ладоги [Хомутова 1985: 207–217].

В XI в. новгородцы активно осваивали Север, в том числе и земли Приладожья. В курганах, особенно вблизи административных и культурных центров, появляются христианские и славянские элементы. Исчезают богатые захоронения, возникают кладбища при церквях. На южной границе Приладожской культуры сосредоточено более 250 курганов XII–XIII вв., оставленных в подавляющем большинстве славянским населением. Однако в глубине территории языческие обряды продолжали соблюдаться. К началу XIII в. население отходит от курганной погребальной обрядности. Здесь появляются грунтовые кладбища – «жальники», надгробные каменные кресты и т. д.

Об установлении новгородской налоговой (фискальной) системы в Приладожье свидетельствует Уставная грамота князя Святослава Ольговича 1136/37 г. о церковной десятине с позднейшими приписками об Обонежском и Бежецком рядах [Древнерусские княжеские уставы 1976: 147–148]. Она предоставила право новгородским епископам получать десятину от княжеских доходов, собираемых в виде податного и судебного налогов, но не в виде фиксированной суммы от поступающих в казну доходов, как это было при прежних князьях, а постоянной, гарантированной князем суммой в 100 гривен новых кун. Возможная недостача при сборах покрывалась из княжеской казны [Янин 1991: 138–141]. В приписке к грамоте, датируемой XIII в., перечислены населенные пункты Приладожья, с которых причиталась дифференцированная сумма. Так, например,

Олонец и Юксола платили по три гривны, Тервиничи, Винница, устье Паши и т. д. – одну, некоторые – полгривны.

Ранее считалось, что географические наименования Устава – это названия погостов [Насонов 1951: 74–75]. Заметим, однако, что при перечислении земель в Обонежском ряду нигде не встречено слово «погост». Такие же названия, как «у Пахитка», «у Пермина», «у Кокорка», «у Липсуевич», обоснованно связываются с именами крупных землевладельцев, вероятнее всего, с именами местных старейшин. Из 14 пунктов Устава Святослава только девять (один сомнительный на Кожеле) можно увязать с погостами XVI в. Кроме того, территория «погостов» не совпадает с ареалом славянского антропологического типа. Поэтому предположение Л. В. Даниловой [1955: 208], согласно которому погосты с прибалтийско-финским звучанием их наименований, упомянутые в Уставе, сложились на основе каких-то местных образований дославянского периода, на наш взгляд, подтверждается. Новгородцы воспользовались уже сложившимися административными единицами для взимания дани [Кочуркина 1973: 72–76]. Наличие элементов славянской культуры и влияние славян в Юго-Восточном Приладожье объясняется постепенным проникновением их на данную территорию. Проникновение, судя по всему, было мирным, индоевропейские народы хорошо уживались друг с другом, обогащая свои культуры. Влияние было разносторонним и охватило социальную, хозяйственную и религиозную области их жизни. Однако славянское освоение края не означало коренного изменения этнического состава населения. Современное русское население северного Приладожья, Свирско-Оятского водораздела – это в массе своей обрусевшие вепсы [Муллонен 1985: 184–185].

Приладожье, находясь вблизи важнейших раннефеодальных торговых путей между Западом и Востоком, занимало ключевую позицию как во внутренней, так и во внешней торговле, что сыграло важную роль в социально-экономическом развитии региона. Осуществлялись торговые связи со Скандинавией, Прибалтикой, Византией, Поволжьем, Средней Азией и странами арабского Востока. Об этом свидетельствуют найденные в погребениях X в. части весов и гиришки вместе с предметами вооружения скандинавского типа, поскольку торговля в те времена была сопряжена с большими опасностями. Сохранившиеся в погребальных памятниках ювелирные изделия, бусы, монеты, оружие, шелковые ткани [Кочуркина, Орфинская 2014], клады монет – яркие доказательства оживленной торговли в период раннего Средневековья. Коллекция из 192 монет включает английские (25), немецкие (96), чешские (7), византийские (6) и восточные (58). Кроме того, в погребениях встречены неопределенные западноевропейские монеты и их

обломки (не менее 10) и более 25 неатрибутированных монет. Присутствие их в погребениях нельзя назвать массовым – они встречены в 91 кургане, что составляет примерно 13 % от всех вскрытых насыпей [Кочкуркина 2013]. Знаменитый, крупнейший в Европе клад, зарытый в лесу у д. Вихмязь около 1090 г., содержал в бронзовом котле серебряный слиток, 10 обломков украшений, монетный кружок с простой орнаментацией, 13 398 в основном западноевропейских монет и 15,5 круглых монетовидных пластинок. На р. Паше близ д. Колголема выявлен еще один крупный клад, зарытый во второй половине XI в. В бронзовом котле находилось 5,5–6 тыс. преимущественно немецких денариев [Потин 1967: № 228, 229].

Если материальная культура X–XI вв. Онежского-Ладожского водораздела идентична культуре Юго-Восточного Приладожья, то более поздние памятники свидетельствуют о своеобразии погребального обряда и могильных сооружений, некоторых особенностях инвентаря и, в конечном счете, об изменении этнического состава населения.

Районом расселения веси считается Юго-Восточное Приладожье, хотя древнерусские летописи об этом не упоминают. Такая точка зрения зиждется главным образом на лингвистических и топонимических материалах. Подтверждается она и тем, что потомки веси – современные вепсы – до сих пор проживают в этом регионе (подробнее см.: [Кочкуркина 2017: 80]).

В южной Карелии, помимо курганов у селений Кокорино и Чёлмужи, по берегам Онежского озера известно около 30 поселений с лепной посудой, характерной для приладожских курганов, а также несколько грунтовых погребений. Датируются они в основном X–XI вв. Это небольшие по площади поселения со следами очагов, иногда горнов, с остатками построек. Находки немногочисленны: орудия труда, предметы украшений, стеклянные и пастовые бусины. Определить их этническую принадлежность пока не представляется возможным. Но косвенные свидетельства – наличие керамики приладожского типа, концентрация поселений в древневепсском ареале – дают возможность предположить, что эти памятники оставлены выходцами из Приладожья.

Изучение черепов из курганов Юго-Восточного Приладожья привело к выводу о неоднородности погребенных. Одни из них в наибольшей чистоте сохранили черты протоевропейского типа, который, с одной стороны, близок славянам Верхнего Поволжья и Белоруссии, а с другой, обнаруживает сходство со скандинавами [Дебец 1948: 240]. Отмечена антропологическая близость ильменцев с жителями Северной Европы [Витов 1964: 59, 97]. Это объясняет весьма вероятную варяжско-скандинавскую примесь у русских Северо-Запада России. По мнению С. Л. Санкиной [2012: 21],

известная к настоящему времени серия черепов из приладожских курганов представляет собой местное славянизированное финское население, но вполне возможна и скандинавская примесь, поскольку Приладожье в раннем Средневековье было зоной интенсивных контактов со скандинавами [Санкина 2012: 151]. Что касается антропологического исследования вепсов, то специалисты пришли к заключению, что они представляют собой однородную группу северных светлопигментированных европеоидов с легкой примесью монголоидности. Тип северных вепсов ближе к собственно вепсскому антропологическому типу эпохи Средневековья. Он не подвергся ни карельскому, ни русскому влиянию. Облик же южных вепсов, в том числе и средних, несет следы контактов с соседними народами, в первую очередь, с русскими [Цветкова 1993].

Население бассейна Онежского озера

Восточная часть бассейна Онежского озера в границах современного Пудожского района Республики Карелия имеет насыщенную гидросистему, к которой принадлежат оз. Водлозеро площадью более 467 км², реки Илекса, протяженностью по территории Карелии 256 км (исток в Архангельской области), и Водла – более 140 км. Обе реки в древности играли значительную роль в осуществлении торгово-хозяйственных связей. Озеро Муромское, его называют еще лагуной, соединенное с Онежским озером короткой (около 3 км) речкой Муромкой, представляло собой в древности залив Онежского озера. Рельеф характеризуется низменными равнинами и равнинами [Карельская АССР 1986: 26–27]. Археологические объекты, оставленные древними охотниками и рыбаками, обнаружены на невысоких берегах, на высоте до 5 м.

Средневековые древности зафиксированы по берегам рек и озер в виде изолированных комплексов или отдельных находок на поселениях, представленных культурными слоями и предметами разных эпох: мезолита, неолита, энеолита, бронзового и железного веков. Вне этих археологических объектов более или менее долговременных средневековых поселений нет. Причина видится в том, что первых поселенцев и население рубежа I–II тыс. н. э. объединял охотничье-рыболовецкий хозяйственный уклад, исключавший занятия земледелием, поэтому и селились они в сходных топографических условиях.

Установить хронологические границы памятников бассейна Онежского озера, как и получить детальную информацию о жизнедеятельности населения, довольно сложно из-за отсутствия хорошо

датированных и стратифицированных артефактов. На имеющемся к настоящему времени археологическом материале установлено, что периодом X–XI вв. датируется большинство (23) археологических объектов (рис. 3). Время функционирования нескольких поселений и погребений не определено. Кроме того, 15 памятников, исследованных в основном разведочными шурфами, но содержавших некоторое число фрагментов лепной керамики, отнесены к X–XI вв. [Кочкуркина 2015].

Украшения из этих памятников немногочисленны и представлены черными глазчатыми бусами и разноцветными стеклянными, бронзовой бусиной-«флакончиком». Встречены спиралеконечная и умбоновидная застёжки, подковообразные фибулы с гранчатыми головками, поясные лировидные пряжки, ременная гарнитура. Следует отметить единичные находки: грушевидный бубенчик, спиральные пронизки, бронзовые оковки и ременные накладки, шумящие подвески в виде уточки и конька. Маленькая бронзовая шумящая подвеска-уточка с опущенным клювом характерна в основном для древностей веси, хотя аналогии известны и в памятниках муромы. Трехчастный разделитель ремня с розеткой в центре встречается в широком ареале: от памятников Финляндии, так называемых лапландских жертвоприношений, древностей летописной корелы, курганов веси до Пермского Приуралья и степей Евразии. Однако идентичных изделию Илексы V, за исключением двух разделителей ремня из кургана Каменка-2, датирующегося XI–XII вв. [Равдоникас 1934: табл. VII: 2; Кочкуркина, Линевский 1985: 34], пока не известно.

Обратим внимание на оригинальное огниво, у которого бронзовая рукоять украшена птичьими (утиными?) головками. К числу редких относится также сланцевая форма для отливки ромбошиткового височного кольца. Височные ромбошитковые кольца с разными формами шитков – от овальных до удлиненных – встречены в погребениях на р. Ояти [Кочкуркина, Линевский 1985: рис. 63: 4; 64: 3, 4] и в кургане Чёлмужи-5. Датируются XI–XII вв. Этот тип височных колец характерен для новгородских словен, в небольшом количестве встречен у кривичей и у живших в приграничье вятичей.

На памятниках бассейна Онежского озера собраны обломки бронзовых котлов, железных сковород, наконечники стрел и их обломки, топоры, ножи, ладейные заклепки, мотыги. Аналогичные мотыги использовались также на территориях, заселенных предками собственно карелов, карелов-ливвиков и карелов-людиков [Kivikoski 1973: 148, Abb. 1241], поэтому тип мотыг назван карельским. Невыразительными экземплярами представлены рабочие инструменты: шило, овальное кресало, скребель, скребок и обломки неопределенных изделий.

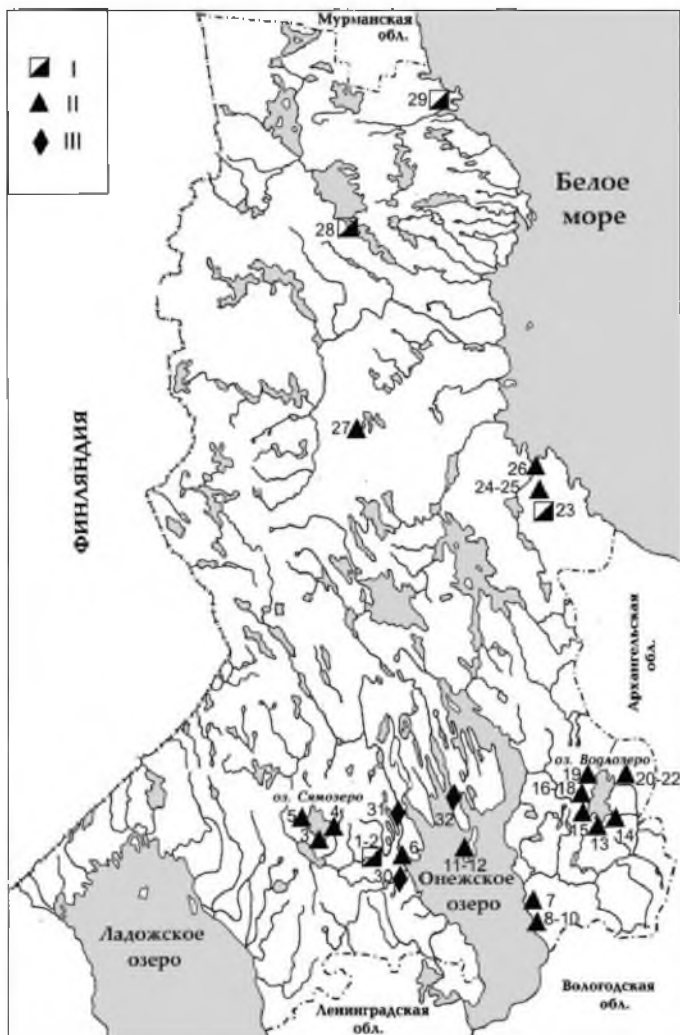

Рис. 3. Памятники охотничье-рыболовецких культур X–XIV вв.:

I – случайные находки; II – поселения; III – клады монет

- 1 – р. Шуя; 2 – Пичево; 3 – Лахта II; 4 – Кудомы XI; 5 – Чёранга; 6 – Суна VI; 7 – Бесов Нос VI; 8–10 – Муромское III, VI, VII; 11 – Керкостров I; 12 – Васильево 2; 13 – Сомбома I; 14 – Малая Пога I; 15 – Пога I; 16–18 – Охтома I–III; 19 – Келка I; 20–22 – Илекса III, IV, V; 23 – Сумозеро I; 24–25 – Ерпин Пудас I, II; 26 – Голый Мост VI; 27 – Бохта II; 28 – Софпорог; 29 – Чупа; 30 – Петрозаводск; 31 – Санда; 32 – Падмозеро

Железоделательное производство, базирующееся на запасах местной руды Карелии, сыграло немаловажную роль в жизни населения. В процессе археологических раскопок найдены не только железные орудия труда и промыслов, но и три разных по конструкции и времени использования горна. Так, первый тип примитивных одноразовых горнов выявлен на памятниках Илекса V и Пичево (два); второй – горны в виде небольших ящиков из каменных плит многократного использования – на Кудоме XI (семь) и Кудоме X (четыре – из них три датируются эпохой железа); третий тип, сложенный из глины и камней, выявлен на поселениях с керамикой – Муромское VII, Илекса IV, Суна VI [Косменко, Манюхин 2000]. Обнаруженные остатки горна на Суне VI, сделанного из глины, по мнению А. М. Спиридонова [Кочуркина, Спиридонов 1988: 131], сравнимы с горнами восточноевропейских памятников.

Металлографическому анализу были подвергнуты 19 ножей. По технологии трехслойного пакета сделано пять: Илекса IV (3 экз.), Илекса V, Муромское VII; торцовая наварка прослежена у трех ножей (Илекса IV); цельножелезных – пять (Келка I, Охтома I, Кудомы XI (2), Муромское III); цельносталей изделий – пять (Кудомы X, Охтома III, Илекса III, Кудомы XI, Суна VI). Не определена структура у одного ножа (Сомбома I).

Технология трехслойного пакета считается наиболее ранней. С X в. она известна на территории северной Руси со смешанным славяно-финско-скандинавским населением [Кочуркина, Розанова 1987: 92]. В. И. Завьялов [2017], исследовавший эти изделия, считает, что один из ножей, изготовленных по технологии трехслойного пакета (Илекса IV), представляет «классический» (североевропейский) вариант данной технологии, другие – восточноевропейский вариант, отражающий освоение местными кузнецами инновационной технологии. Примечателен тот факт, что только на этом памятнике встречены ножи, изготовленные по технологической схеме торцовой наварки – ведущей технологии древнерусского городского ремесла в XII–XIV вв. Таким образом, считает В. И. Завьялов, кузнечные изделия из Илексы IV сопоставимы с кузнечной продукцией крупного ремесленного центра. Большая часть ножей остальных поселений представлена орудиями, откованными из кричного железа и сырцово-стали, т. е. непосредственного металлургического продукта, и является продукцией кузнеца-универсала.

По мнению И. М. Сумманен, в X–XII вв. использовалась посуда, близкая керамике памятников Ленинградской и Новгородской областей,

а также Вологодской. Присутствуют и редкие формы. При этом, как отметила исследовательница, керамика охотничье-рыболовецких поселений не оригинальна, в ней прослеживаются влияния как восточные (относительно бассейна Онежского озера), так и западные. Более того, И. М. Сумманен считает, что при наличии некоторых общих керамических форм лепной керамики селищ и курганов Юго-Восточного Приладожья они существенно отличаются морфотипами. Верно подмечено исследовательницей и отсутствие на селищах раннегончарной и гончарной керамики [Сумманен 2015; Сумманен, Светов 2017].

Хозяйственный уклад населения, оставившего эти памятники, исследователи охарактеризовали как охотничье-рыболовецкий, подчеркивая при этом промысловый характер со специализацией на пушном промысле. Немаловажную роль в жизни населения сыграло железоделательное производство, базирующееся на запасах местной руды Карелии. В процессе археологических раскопок найдены не только железные орудия труда и промыслов, о которых говорилось выше, но и три разных по конструкции и времени использования горна.

Принципиально важной исследовательской задачей является не только выяснение хронологических рамок памятников Онежского бассейна, их культурного содержания, но и определение этнического состава раннесредневекового населения этой территории. Материальная культура «интернациональна» и лишена ярко выраженного местного колорита. Имеются предметы, характерные как для славянского, так и для прибалтийско-финского мира, что, впрочем, свойственно и синхронным памятникам обширной территории Северо-Запада России. Приписывать эти древности предкам вепсов и карелов нельзя, поскольку эти народы прежде всего были земледельцами. Остаются неуловимые предки саамов? Суждения о саамской культуре, «саамском железном веке» на этой территории, сформулированные только на археологическом материале, требуют дополнительной аргументации.

Топонимическая карта района демонстрирует неординарную картину заселения этой территории. Показательно, что модель ойконимов -I-ового типа, которая маркирует территорию наиболее раннего земледельческого освоения, отсутствует на восточной окраине исторического вепсского ареала – в восточном Обонежье [Муллонен 2012]. При этом здесь лучше сохранилась древняя довепсская топонимия, в меньшей степени, чем в Присвирье, перекрывая собственно вепским пластом названий. Это вполне согласуется с данными археологии. Кроме того, топонимические исследования показали, что в юго-восточном Обонежье присутствует

поволжское влияние, выразившееся в распространении названий некоторых рек и крупных озер, в то время как прибалтийско-финскими топонимами обозначены незначительные объекты [Захарова 2012]. Поволжское влияние отразилось в археологических находках (поясная гарнитура, кресало, керамика) и некоторых чертах материальной культуры. Стало быть, эта территория испытала активное освоение со стороны соседних юго-восточных районов.

Такая картина согласуется в целом с теми представлениями о формировании прибалтийско-финских и саамских языков, которые получают признание в науке в самое последнее время. Без сомнения, саамы были древними жителями Карелии, оставившими после себя разрушенные ареалы саамских топонимных моделей. Их количество возрастает по мере продвижения с юга Карелии на север, в регион Поморья и Беломорской Карелии, где саамский пласт географических названий в силу относительно позднего карельского и русского освоения сохранился лучше [Kuzmin 2013]. При этом современный анализ саамского наследия в топонимии Карелии позволяет скорректировать и сблизить позиции археологии и языкознания на этническую историю саамов. Картографирование саамских моделей показало, что их ареал, вопреки прежним представлениям, согласно которым саамы занимали территорию от Скандинавии до Коми Республики, а на юге – до Верхнего Поволжья, вовсе не был таким обширным. Скорее всего, формирование саамов происходило на территории Карелии и Финляндии в ходе наложения финно-угорского, или в современной терминологии западноуральского населения на местное палеоевропейское (в смысле языка). Именно здесь в топонимии представлены оба пласта саамского языка – западноуральский и палеоевропейский, в то время как за юго-восточными пределами Обонежья древний дофинно-угорский пласт, принципиально важный для характеристики саамского языка, отсутствует [Saarikivi 2014; Захарова, Макарова, Муллонен 2016].

Топонимия позволяет уточнить и развить известные современной науке представления о формировании русской Карелии. Наиболее мощный топонимный славяно-русский пласт отмечен на всей древневепсской территории, хотя характер взаимоотношений вепсов и русских протекал не везде одинаково. Согласно топонимическим свидетельствам, можно говорить о массовом вторжении русских в иноязычную среду и усвоении ими местных названий в западных и южных частях вепсского ареала. На остальной территории засвидетельствовано появление двуязычия местного прибалтийско-финского населения и его постепенное обрусение [Муллонен 2002: 325–330].

Продвижение славян из Юго-Восточного Приладожья на Онежско-Ладожский водораздел, а затем и в Обонежье привело к формированию смешанного по составу населения. Исследователи диалектов отметили, что русские онежские говоры обнаруживают сильные связи с говорами, отмеченными в Юго-Восточном Приладожье, и в первую очередь на территориях бассейнов рек Ояти, Паши, Сяси, а также с новгородскими диалектами волховско-ильменского региона. В русских говорах Заонежья присутствует мощный прибалтийско-финский пласт. Многосложные миграционные потоки в конечном итоге привели к формированию на огромных пространствах Русского Севера северорусской этнокультурной зоны [Герд 2001: 409–416].

Ареал русских топонимов фиксирует водный путь, по которому русские продвигались в Карелию – по р. Свири в Онежское озеро, затем по р. Водле на восток или через Выгозеро и р. Выг в Поморье. Вдоль этих путей сформировались этнолокальные группы русских – поморы, заонежане, водлозеры, выгозеры, которые при всей своей общности отличались особенностями материальной культуры и языка [Муллонен 2010: 427]. Сохранение здесь мощного прибалтийско-финского компонента на всех языковых уровнях, а также в топонимии свидетельствует о том, что традиционное русское население Карелии сформировалось в значительной степени в результате обрусения местных вепсов и карелов.

Итак, бассейн Онежского озера в X–XI вв. был освоен промысловиками (охота, рыболовство, выплавка железа в примитивных горнах), этническая принадлежность которых может быть определена в общих чертах как прибалтийско-финская без каких-либо специфических черт и особенностей материальной культуры, но с участием древнесаамского компонента. В XII–XIV вв. эти территории стали осваиваться предками карелов, вепсов, русскими, создавшими пеструю археологическую и диалектно-топонимическую картину, детали которой требуют дальнейшего исследования.

Подводя итоги современному комплексному исследованию этнокультурной карты средневековой Карелии, можно с уверенностью говорить о трех крупных ареалах: Северо-Западном Приладожье – территории летописной корелы; Юго-Восточном Приладожье и южной Карелии – землях древних вепсов – и бассейне Онежского озера, заселенном разноэтничными по происхождению охотниками, рыболовами и промысловиками.

Литература

Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. Петрозаводск, 2009. 217 с.

Витов М. В. Антропологические данные как источник по колонизации русского Севера // История СССР. 1964. № 6. С. 81–109.

Герд А. С. Исторические границы и ареалы Обонежья по данным разных гуманитарных наук // Очерки исторической географии. СПб.: СПбГУ, 2001. С. 495–496.

Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 440 с.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 392 с.

Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М.: Наука, 1976. 240 с.

Енисосова Н. В. Новые данные о химическом составе цветного и драгоценного металла памятников летописной корелы // Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 248–262.

Енисосова Н. В., Кочуркина С. И. Древнекарельские ювелирные изделия из цветного и драгоценного металла X–XV веков: ареал, датировка, химический состав // Тр. КарНЦ РАН. 2010. № 4. С. 24–33.

Завьялов В. И. Археометаллографическое исследование железных ножей из памятников бассейна Онежского озера // Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017. С. 139–145.

Захарова Е. В. Субстратные географические термины в топонимии Восточного Обонежья // Тр. КарНЦ РАН. 2012. № 4. С. 185–190.

Захарова Е. В., Макарова А. А., Муллонен И. И. В поисках топонимических границ в Белозерье // Вопросы ономастики. Т. 13. № 1. Екатеринбург, 2016. С. 7–29.

Карельская АССР. Природа, хозяйство. Петрозаводск: Карелия, 1986. 279 с.

Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. 276 с.

Косменко М. Г., Манюхин И. С. Древняя металлургия и металлообработка в охотничье-рыболовецких культурах эпохи железа и раннего средневековья в Карелии // Гуманитарные исследования в Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2000. С. 16–22.

Кочуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1973.

Кочуркина С. И. Древняя корела. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1982. 216 с.

Кочуркина С. И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. 263 с.

Кочуркина С. И. Приладожская курганный культура: погребения с монетами, весами и гирьками. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 160 с.

Кочуркина С. И. Археологические памятники и этносы на территории Карелии в эпоху Средневековья // Истоки Карелии: время, территория, народы: Междунар. исследования. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2015. С. 35–148.

Кочуркина С. И. Археология и топонимика // Финно-угорская мозаика. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016. С. 21–32.

Кочуркина С. И. Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017. 280 с.

Кочуркина С. И., Линевский А. М. Курганы летописной веси. Петрозаводск: Карелия, 1985. 223 с.

Кочуркина С. И., Орфинская О. В. Приладожская курганная культура: технологическое исследование текстиля. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2014. 140 с.

Кочуркина С. И., Розанова Л. С. Итоги технологического изучения кузнечной продукции древней корелы (по материалам городищ Паасо и Тиверск) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. № 190. М., 1987. С. 88–94.

Кочуркина С. И., Спиридонов А. М. Поселения эпохи средневековья // Поселения древней Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1988. С. 121–142.

Культурное окружение северного побережья Ладожского озера. Helsinki: Miktor Oy, 1998. 230 с.

Мамонтова Н. Н., Кочуркина С. И. О топонимии Северо-Западного Приладожья и сопредельных районов // Древняя корела. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1982. С. 180–185.

Муллонен И. И. О гидронимии бассейна р. Ояты // Курганы летописной веси. Петрозаводск: Карелия, 1985. С. 184–196.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. 354 с.

Муллонен И. И. Формирование этноязыковой карты Карелии (по материалам топонимического атласа) // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / Отв. ред. А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 424–427.

Муллонен И. И. Природные и культурные факторы формирования вепсской этнической территории // Тр. КарНЦ РАН. 2012. № 4. С. 13–24.

Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.: АН СССР, 1951. 282 с.

Перетисная окладная книга по Новгороду Водской пятины 7008 г. // Временник Московского общества истории и древностей российских. М., 1872. Кн. 12. С. 5–167.

Потин В. М. Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории Древней Руси // Тр. Гос. Эрмитажа. 1967. Т. IX. С. 106–184.

Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и в Юго-Восточном Приладожье // Изв. Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 94. М., Л.: Гос. социально-эконом. изд-во, 1934. 55 с.

Санкина С. Л. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2012. 207 с.

Сумманен И. М. ICP-MS анализ: возможности и ограничения метода // Новые материалы и методы археологического исследования. Материалы III междунар. конф. молодых ученых. М.: ИА РАН, 2015. С. 195–196.

Сумманен И. М., Светов С. А. ICP-MS исследование образцов формовочных масс лепной керамики средневековых памятников Карелии // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2017. № 1 (162). С. 18–26.

Хамутова Л. С. Технологическая характеристика кузнечных изделий из гордиц Тиверск и Паасо по результатам металлографического анализа // Древняя корела. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1982. С. 188–208.

Хамутова Л. С. Металлографическое исследование структуры железных вещей из курганов Юго-Восточного Приладожья // Курганы летописной веси. Петрозаводск: Карелия, 1985. С. 207–217.

Цветкова Н. Н. Антропология вепсов (обзор и новые данные) // Историческая этнография. Вып. 4. СПб., 1993. С. 26–48.

Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. М.: Наука, 1991. 384 с.

Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki: Weilin & Göös, 1973. 150 s., 1268 Abb.

Kuzmin D. Saamelainen asutus Karjalassa // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja 94. Helsinki, 2013. S. 69–123.

Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975. 382 s.

Saarikivi J. Reconstruction of culture and ethnicity. Remarks on the methodology of historical-comparative linguistics (on the basis of Western Uralic languages) // New Focus on Retrospective Methods / Ed. Eldar Heide & Karen Bek-Pedersen. FF Communications 307. Helsinki: Academia Scientiarum Fennicae, 2014. S. 186–216.

Saksa A. Rautakautinen Karjala. Joensuu, 1998. 258 s.

Uino P. Ancient Karelia // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki. 1997. N 104. 426 p.

Сведения об авторе. Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора археологии, ИЯЛИ КарНЦ РАН.